

А.С.ПУШКИН В КРЫМУ – НОВЫЕ ГИПОТЕЗЫ

Весной 1820 года А.С.Пушкин был переведен по службе из Санкт-Петербурга в Екатеринослав под начало генерала И.Н.Инзова. С разрешения последнего поэт отправился с семьей Раевских на Кавказ и Крым.

По окончании отдыха в Гурзуфе Н.Н.Раевский-старший, отправив жену и четырех дочерей морем в Севастополь, вместе с сыном Николаем и Пушкиным трогается верхом до Симферополя. В пути, видимо, было три ночевки: первая, вероятно, в Алупке, следующая – в Георгиевском монастыре и последняя—в Бахчисарае. Эти два пункта пушкинской судьбы, отозвавшиеся в творчестве поэта гениальными произведениями, оказались не до конца изученными, и теперь, через 185 лет после знаменитого пушкинского крымского путешествия, мы получили возможность познакомиться с теми, кто имел нечаянную радость соприкоснуться с неведомым для них гением – и ныне из забытых в анналах истории пыльных документов возродиться, стать планетами, вращающимися вокруг «солнца русской поэзии». Благодаря им, доселе неизвестным, мы получили возможность понять казавшиеся до сих пор «темными» места в биографии Пушкина.

Георгиевский монастырь. Храм Дианы

“Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина” датирует прибытие в Георгиевский монастырь вечером 6 (18 по н. ст.) сентября, отъезд—утром 7 (19 по н.ст.) сентября 1820 г. (13, с.241, 754).

Визвестном письме А.А.Дельвигу из Михайловского Пушкин отмечал: “Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами, вот они: “К чему холодные сомненья...” (20, XIII, 252).

В черновом варианте этого письма находим не вошедшую в окончательную редакцию подробность: посещение монастыря названо поэтом “единственным сильным впечатлением” за всю дорогу по Южному берегу Крыма (20, XIII, 1000). Им упомянутые местные достопримечательности: “скала” и “черные скалы” легко соотносятся с реалиями бухты Георгиевского монастыря, где есть как отдельно стоящие скалы, так и группа выразительных и достаточно зловещих при вечернем освещении скальных утесов, замыкающих с востока и с запада видимое глазу пространство. Пушкин скорее всего имеет в виду скалу Георгиевскую, располагающуюся как раз напротив монастыря, но есть еще стоящая чуть западнее скала Крест.

Пушкинское описание монастыря и его окрестностей предельно точно и выразительно. Например, упомянутая поэтом “крутая лестница к морю», которая свой нынешний “цивилизованный” вид обрела в год тысячелетия монастыря (1891), и сейчас производит очень сильное впечатление: крутым серпантинном в несколько сотен ступенек она карабкается по обрывистому склону к монастырским постройкам, расположенным на высоте более 150 м над уровнем моря. Можно только догадываться, насколько менее обустроенной и потому более колоритной она была в пушкинские времена. Примечательно, что из посетителей монастыря до 1820 г. о лестнице пишет только молодой и склонный к риску поэт. Путешествовавшие почти одновременно с ним по Крыму самовлюбленно-чопорный Г.В.Гераров и педантично-академичный И.М.Муравьев-Апостол о ней умалчивают, так как, скорее всего, лестницей не воспользовались.

21 сентября—через 15 дней после Раевских и Пушкина—Георгиевский монастырь посещает Г.В.Гераров, оставивший следующее описание одного из красивейших в Крыму мест: “...в 10 часов остановились у небольшого портика, со вкусом выстроенного; вошли в оный, и мы в Георгиевском монастыре, и вдруг глазам нашим явилось Черное море, крутые дикие берега, навислые огромные скалы, высунувшиеся в шумящую влагу граниты, в

величественном и мрачном виде; единая уединенная церковь смиренно взирала на напрасные усилия вечных волн морских, стремящихся подмыть основу ея” (3, с.34).

Спустя еще два дня в монастыре побывал И.М.Муравьев-Апостол, также получивший сильное впечатление от осмотра его местоположения: “... я пустился мимо неизвестных теперь развалин древнейшего Херсона, вдоль юго-восточного, постепенно возвышающегося берега, до мыса Феолента, за коим представляется позлащенный крест, водруженный на самом краю утеса. Надобно близко подъехать, дабы выйти из обмана и увериться, что это крест церковной главы Георгиевского монастыря, стоящего на уступе горы, к коему ведет спуск крутой и опасный на лошадях. Небольшой домик, к стене прислоненный, жилище архиепископа..., за ним немногие кельи, над коими видны опустевшие, осыпающиеся пещеры, в коих прежние отшельники обитали; наконец, небольшая чистенькая, недавно построенная церковь, - вот все то, что составляет обитель Георгиевскую. Сойди несколько ступеней крыльца церковного—и ты на террасе, как балкон висящей над ужасною пропастью... Не доверяй полусгнившим деревянным перилам! И когда ты насладишься произвольным трепетом, наслушаешься рева волн под ногами твоими, наглядишься на страшную скалу, как уголь черную, вокруг коей ярится море и покрывает ее пеною: тогда обрати насыщенные ужасом взоры на картину спокойствия и тишины; посмотри на эти тополи, смоковни, коих вершины никогда не колебались от северного ветра; взгляни на этот источник, как кристалл чистый и прозрачный, вытекающий из щели каменной горы, -- и вспомни Лукрециева мудреца, коего наслаждения возвышаются ощущением внутреннего спокойствия при созерцании вне бурь и треволений. Если ты, друг мой, услышишь когда-нибудь, что я сделался отшельником, то ищи меня в Георгиевском монастыре: здесь медведица не видна и о севере слуха нет” (16, с.84-86).

Нет сомнения, что Раевские с Пушкиным, как и Г.В.Гераров, и И.М.Муравьев-Апостол, осмотрели монастырь: братские кельи, прекрасный источник чистой воды, некрополь и церковь во имя св.Георгия Победоносца.

С Георгиевским монастырем была связана легенда об Ифигении, поразившая воображение поэта. Из исторических источников известно, что у одного из самых древних народов Крыма, оставившего память о себе в названии полуострова, -- тавров существовал культ Девы, в котором, возможно, отразились предания о мифологическом племени амазонок. Обычаи, связанные с этим культом, подробно описал в V в. до н.э. Геродот (4, с.217). Античное сознание отождествило культ Артемиды с таврической Девой, потому действие широко известного предания об Ифигении, Оресте и Пилладе свершилось в Таврии. Напомним, что в XIX веке изучение античных авторов было обязательным в программе любого учебного заведения. В пушкинскую эпоху предание об Ифигении стало популярным, благодаря интерпретации Эсхила, Софокла, Еврепида, Овидия, Расина, Гете. Естественно, что с присоединением Крыма к Российской империи предметом особого интереса археологов и историков явились поиски места, где располагался легендарный храм богини Девы, факт существования которого на рубеже тысячелетий подтвердил Страбон (25, кн.VI, гл.IV, абз.2). Он же дал направление поисков, “привязав” храм к реалиям крымской географии. Интерес к храму обостряло христианское предание, согласно которому в этих местах проповедовал один из двенадцати апостолов—св. Андрей Первозванный (18, с.650).

Споры вокруг местоположения храма Девы стали главным основанием для датировки пушкинского послания “Чедаеву” (“К чему холодные сомненья”). Вслед за Б.В.Томашевским все исследователи и комментаторы полагают, что под “холодными сомненьями” подразумевается “мнение И.М.Муравьева-Апостола, изложенное в книге «Путешествие по Тавриде» (опубликованной в 1823): храм Дианы находился не у мыса Георгиевского монастыря”. Эту книгу Пушкин прочел в Михайловском в конце 1824 г. А потому стихотворение, которое поэт постоянно и настойчиво представлял как написанное в 1820 г. в Крыму, на самом деле сочинено в 1824 г. в Михайловском (20, II, с.427-428; подробнее аргументы Б.В.Томашевского о “несомненной литературной выдумке Пушкина” см.: 26, с.499-501).

Эта цепь умозаключений никак не может быть признана бесспорной. Ей противоречат самые разные обстоятельства, из которых важнейшими являются два. Во-

первых, черновик стихотворения находится среди пушкинских записей начала 1824 г. (в “Летописи” начало работы над стихотворением датируется февралем 1824 г.), а о присылке книги И.М.Муравьева-Апостола поэт просит брата Льва в письме от 1-10 ноября 1824 г. из Тригорского (20, XIII, 119). 27 января 1825 г. послание уже публикуется в “Северной Пчеле” (20, II, 1150). Получается, что отклик на книгу появился за год до знакомства с самой книгой.

Во-вторых, И.М.Муравьев-Апостол не был единственным полемистом в вопросе о местоположении легендарного храма, как об этом пишет Б.В.Томашевский (26, с.499-500). Да, он не только отрицал наличие в окрестностях Георгиевского монастыря храма Дианы, но и вообще сомневался в какой-либо исторической достоверности мифа об Ифигении и ее пребывании в Тавриде (16, с.88). Правоту его скептицизма подтвердила история. Но все же он был не первый, кто обратился к этой проблеме. К какому только месту не привязывали расположение античного храма уже в начале XIX в.: гора Аю-Даг и ее окрестности, мыс Фиолент и его окрестности, мыс Херсонес и его окрестности, мыс Меганом, мыс Айя, скала у Кастрополя, которая так и названа—Ифигения, (8, с.24-34). Даже среди тех, кто связывал храм Девы с окрестностями Георгиевского монастыря, не было единства. Обычно пишут, что П.С.Паллас соотносил храм с развалинами, обнаруженными им между монастырем и мысом Фиолент. Отзвуки этого мнения сохранились в современной топонимике тех мест: роща Дианы, балка Дианы, бухта Дианы. Характер пушкинского повествования («Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы») позволяет сделать вывод, что поэт принимал именно эту точку зрения. По свидетельству ряда путешественников, им, со ссылкой на Палласа, показывали заросшие травой некие развалины вблизи монастыря.

Странно, однако, что никто из исследователей, начиная с И.М.Муравьева-Апостола, не обратил внимания на то, что Паллас указывает не одно, а три возможных места расположения храма Девы: восточнее (19, с.98-99), западнее (19, с.99) и севернее (19, с.115) монастыря; Ф.К.Брун считал, что храм находился еще западнее и отождествлял мыс Партенион с мысом Феолент. Настоятель Георгиевской обители митрополит Хрисанф, “зная во всей подробности берега Черного моря, имел случай обозреть их - и решительно заключает, что если верить существованию в Крыме древнего храма Дианы, то неоспоримо место оного есть место нынешнего Балаклавского Георгиевского монастыря” (2, с.100) Г.В.Герасову Хрисанф рассказывал, что “нигде нельзя предполагать храма Ифигении, как на месте выстроенной им церкви” (3, с.35). Очевидно, он отождествлял с храмом открытую при строительстве монастыря пещерную церковь.

Вопрос о местоположении храма был предметом оживленной полемики. Об этом пишут Г.В.Герасов (3, с.35, 38-39), И.М.Муравьев-Апостол (16, с.86-87), другие авторы (2, с.99). Более того, дискуссия явно переросла рамки научного спора - она стала темой салонных бесед и даже предметом шуток. Так, Г.В.Герасов с раздражением вспоминал следующий эпизод: “По гладкой дороге доехали до бахчисарайского почтового двора. Пока закладывали, подступили ко мне двое молодых полуученых петербургских педанта, а главный педант М. стоял поодаль в глубоком размышлении, облокотясь театрално на развалившейся забор. Молодые люди, вместо того, чтоб поздороваться со мною, свысока стали говорить о храме Ифигении и где я полагаю оному быть? Улыбаясь и продолжая доедать цыпленка, отвечал им: перестаньте пускать пыль в глаза; какая польза для человечества, тут или в другом месте был воздвигнут храм Ифигении...” (3, с.38). Потому не нужно было ждать наступления 1824 г. и знакомства с книгой И.М.Муравьева-Апостола, чтобы вступить в спор с “холодными сомненьями”. Этими “сомненьями” был предостаточно насыщен и 1820 год.

В течение двух лет Пушкин трижды опубликовал послание “Чедаеву”: первый раз в “Северной пчеле” (январь 1825 г) с пометой “1820. Морской берег Тавриды”, затем в сборнике “Стихотворения Александра Пушкина” (вышедшем в декабре 1825 г.) с пометой “С морского берега Тавриды. 1820”, и, наконец, в апрельском номере альманаха “Северные цветы” вместе с “Отрывком из письма к Д.” (13, с. 395, 497)

Исследователи не видели в тексте “Отрывка” автокомментария к стихотворению, из которого читатели узнают историю создания произведения, и где Пушкин подчеркивает, что именно в Георгиевском монастыре, около развалин легендарного храма, его “посетили

рифмы”, он “думал стихами”.

Храм Дианы и связанные с ним предания являлись традиционной темой, которую обсуждал с гостями настоятель Георгиевского монастыря митрополит Хрисанф - об этом прямо пишут Г.Герарков и П.Свиньин. Также настоятель беседовал с путешественниками о событиях, имеющих отношение к реальной истории. “Георгиевский монастырь сооружен ... на самом величественном, единственном месте, месте так сказать - священном, в предместии Херсонеса, да и от настоящего города именуемого по истории Корсунем, в трех верстах; от города, где крестился благоверный Великий Князь Владимир, всех россиян просветивший Верою во Спасителя. - От монастыря еще видны развалины сего благословенного града ... Сие-то приятнейшее для христиан напоминание побудило Преосвященного митрополита Хрисанфа ... соорудить на сем месте Георгиевский монастырь ... на месте старого, ветхого, построенного еще во время татар. - Ныне употреблено на оный 40000 рублей, собранных от добровольных пожертвований ...” (2, с.101, 102). Однако, античные “мифологические предания” о храме, где “свершилось святое дружбы торжество” интересовали Пушкина гораздо больше, чем “воспоминания исторические” о крещении князя Владимира и зарождении отечественного православия.

И.М.Муравьев-Апостол, описывая Георгиевский монастырь, не останавливается на этих важных для русской истории событиях. Если считать, что послание “Чедаеву” написано исключительно под впечатлением от книги И.М.Муравьева-Апостола, остается непонятным, зачем поэт в “Отрывке из письма к Д” упоминал “воспоминания исторические”, противопоставляя им “мифологические предания”. Видимо, в целом стихотворение было задумано именно в Крыму, и основано не только на личных впечатлениях поэта, что характерно для всех других его произведений; в послании «Чедаеву» засвидетельствована полемическая разногласия мнений. Знакомство с книгой И.М.Муравьева-Апостола, лишь оживило былые впечатления, способствовало воплощению давно сформировавшегося образа. Сам поэт в четырех публикациях стихотворения “Чедаеву” с 1825 по 1829 г. настоятельно подчеркивал, что написано послание именно в 1820 г. и именно в Крыму (20, II, 910, 1150). Литературоведы справедливо отмечают: Пушкин, “как правило, датировал свои стихи моментом возникновения замысла и начала работы над ними” (5, с.268).

Все изложенное выше свидетельствует, что 1824 г завершил долгий процесс рождения стихотворения «Чедаеву», берущего свое начало в Георгиевском монастыре.

“Записки” Г.В.Гераркова помогают приоткрыть завесу над весьма актуальной и, к сожалению, мало разработанной проблемой—окружение Пушкина в Крыму. Автор “Записок” (в отличие, например, от И.М.Муравьева-Апостола) говорит об обитателях монастыря и, в частности, упоминает греческого митрополита Хрисанфа, личность яркую и достаточно известную. К сожалению, в словаре Л.А.Черейского “Пушкин и его окружение” имя гостеприимного хозяина, принимавшего Раевских и Пушкина в Георгиевском монастыре, отсутствует. Приведем некоторые сведения об этом человеке.

В сентябре 1820 года ему было 88 лет. Г.В.Герарков писал: “Весело было душе моей внимать словам старца, уже готового соединиться с перстию и духом возлететь к Несозданному. Он бодр еще, несмотря на то, что обтек Индостан, берега Малабарские и Коромандельские, Персию и Бухарию, часто был гоним судьбою; все почти европейские государства видели у себя сего почтенного архипастыря” (3, с.35). Мы не располагаем документальными свидетельствами о всех заграничных странствиях Хрисанфа. Известно лишь, что в 1759 году в Бухаресте он постриг в монашество будущего настоятеля Георгиевского монастыря—игумена Анифима (23, д.3).А в 1793 --1794 году Хрисанф совершил длительное путешествие по Средней Азии: посетил Астрахань, Хиву, район озера Мангышлак, Астрабад, Карс, Самарканд и Кабул, собрал обширные сведения об истории, обычаях, культуре и численности населения Персии и Бухарии (Узбекистана, Таджикистана, Афганистана). В 1795 году он подал князю Платону Зубову “Объяснение...для соображений графа Валериана Зубова перед походом его в Персию”, где подробно описывал географические и климатические особенности, состояние путей сообщения, политическую обстановку, экономическое положение, оценивал возможности военного и политического вмешательства России: “Хива плодородна и имеет горы, в которых находятся золотыя и

серебряные руды. От Хивы откроется удобный путь в Бухарию рекою, называемою Аму—Дерья. В Хиве находится более четырех тысяч русских пленников (...), которые ожидают только случая восстать против своих хозяев. Жители тамошние разделены между собою в рассуждении междоусобной их злобы ...” (17, 1873, кн. 1, с. 863-875)

Прибыл Хрисанф в Севастополь в 1804-1805 гг. из Индии (23, д.3). В городе жила его племянница (23, д.37), и, очевидно, почтенный старец остановился у нее. В 1806 г. Хрисанф купил дом неподалеку от монастыря (23, д.37). В монастыре он поселился в 1806-1807 гг. В 1808 г., после смерти настоятеля Дионисия, Хрисанф “ведаль” какое-то время обителью до назначения нового настоятеля—архимандрита Евтихия. Официальным главой монастыря Хрисанф стал весной 1810 г. Митрополит, по отзывам современников, был рачительным хозяином. В 1818 году он принимал в монастыре императора Александра I и “получил в дар от Его Величества панагию, осыпанную бриллиантами, и знаки ордена Св. Анны I-й степени” (2, с.104). Умер Хрисанф 18 февраля 1824 г., похоронен близ старой колокольни на скале. Его склеп сохранился до сих пор.

В “Путевых записках” Г.В.Геракова других имен, кроме Хрисанфа, нет. Но есть сообщение, что всего в монастыре “десять монахов, греков, пришедших из разных стран греческих, и один малороссиянец” (3, с.36). “Формулярные ведомости” за 1820 г. позволяют установить, что всего в монастыре числились следующие служители: иеромонахи Парфений (35 лет), Платон (45 лет), Моисей (49 лет), Исаакий (54 года) и Гервасий (?), вольные священники Симеон Соколовский (30 лет) и Григорий Деминовский (45 лет), а также три послушника—Иван Павлов (74 года), Георгий Митриев (78 лет) и Дмитрий Чернов (83 года) (23, д.29). Всего десять человек. Называемая Г.В.Гераковым цифра—одиннадцать—получается, если мы примем во внимание иеромонаха Иоанна, переведенного из Георгиевского монастыря в другой монастырь 30 августа 1820 г.

Иеромонах Парфений (в миру Петр) родился в 1770 г. в семье священника (поляка). Изучал историю, географию, польскую и российскую грамматику. 11 апреля 1806 г. был пострижен в монахи, через три года стал иеродьяконом, служил в Подольской епархии. 10 января 1820 г. его перевели в Балаклавский Георгиевский монастырь. Накануне приезда туда Пушкина и Раевских митрополит Хрисанф произвел Парфения в иеромонахи. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., за что был награжден медалью на Георгиевской ленте. 5 июля 1835 г. получил благословение Святейшего Синода за усердную службу (23, д. 67, л.14).

Иеромонах Платон (в миру Петр) родился в 1775 г. в семье священника дворянского происхождения. Учился в Киевской Духовной академии. С 1804 по 1810 г. исполнял должности ризничего и казначея в архиерейском доме (видимо, в Екатеринославле). В сентябре 1810 г. его перевели в Балаклавский Георгиевский монастырь в число флотских иеромонахов. В 1824 г., после смерти Хрисанфа, исполнял обязанности настоятеля и был в числе кандидатов на эту должность (был поставлен митрополит Агафангел). В 1829 г. игумену Платону присвоили сан архимандрита, а на следующий год назначили настоятелем во второклассный Нежинский Благовещенский монастырь Черниговской губернии (23, д.58, л.348).

Иеромонах Моисей (в миру Михаил) родился в 1771 г. в Самарской губернии в семье крепостного крестьянина. Получил вольную, поступил в Самарский Пустынно-Николаевский монастырь, где находился до 1802 г. Затем его перевели в Новомиргород, в архиерейский дом. 21 августа 1804 г. по указу Святейшего Синода был пострижен в монахи, затем произведен в иеродьяконы, в 1807 г.—в иеромонахи. В 1810 г. его перевели в Григорьевский Бизюков монастырь, а 6 июля 1815 г. иеромонахом (флотским) в Балаклавский Георгиевский монастырь. Находился в нем до 15 июля 1825 г. (23, д.58, л.380б.).

Симеон Соколовский родился 1791 г. в селе Великая Журавка Звенигородского уезда Киевской губернии в семье священника. Учился в Киевской духовной академии, знал латынь и греческий язык. Священником стал 25 июля 1814 г. Служил в первоклассном Пустынно-Николаевском монастыре. По указу императора Александра I был определен во флотские иеромонахи и 17 февраля 1820 г. переведен в Балаклавский Георгиевский монастырь. (23, д.28, л.270б-30).

Григорий Деминовский родился в 1776 г. в казацкой семье. 12 марта 1804 г. по принятии духовного звания был произведен в дьяконы, а 24 июня 1810 г. архиепископом Платоном поставлен во священники. Умел читать и писать, хотя в школе и семинарии не учился. (23, д.28, л.67).

Дмитрий Чернинский (Чернов) -- рясофоринт-послушник. Родился в 1737 г. в городе Сабина в семье “австрийского солдата”. Грамоте не обучался. Известно, что на Фиолент прибыл из “Аравии, где находился в плену”. 17 мая 1825 г. в возрасте 88 лет был пострижен в монахи. (23, д.51, л.11).

Перечисленные иеромонахи и священники входили в число флотского духовенства в соответствии с высочайше утвержденным решением Синода от 23 марта 1808 г. Этим же постановлением было определено иметь в Георгиевском монастыре для нужд Черноморского флота 13 иеромонахов. Но исполнить волю Синода оказалось довольно трудно. В навигацию 1820 г. на 74-пушечном корабле “Максим Исповедник” 11 июня ушел в море иеромонах Платон. На корабле аналогичного класса “Лесной” ушел священник Симеон Соколовский (27, д.1271, л.26 об). В конце июня Хрисанф дополнительно присылает на эскадру только-только переведенного в монастырь иеромонаха Исаакия, которого определяют на корабль “Скорый” (27, д.1271, л.42). Без священнослужителя проплавал навигацию 74-пушечный корабль “Св.Николай”, на котором держал свой флаг, прибывая на эскадру, главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А.С.Грейг. Так и не смогли найти иеромонаха на корабль “Норд-Адлер”, отправившийся в дальнее плавание с незаполненной вакансией.

Кто из насельников монастыря был на месте во время посещения обители Раевскими и Пушкиным?

Иеромонахи Платон и Исаакий, а также священник Симеон Соколовский были списаны на берег по окончании летнего плавания 31 августа 1820 г. (16, д.1271, л.174-174 об, 209-209об). Видимо, отсутствовал в обители иеромонах Гервасия, который числился при гребном флоте. Он ежегодно присылал отчеты о своем служении. Все остальные на начало сентября были в Георгиевском монастыре. По крайней мере, подписи Платона, Моисея, Исаакия, Парфения, Симеона Соколовского и Григория Деминовского стоят под обязательством от 18 сентября 1820 г. “проходить звание свое благочестиво” (23, д.28, л.10). Следовательно, все они могли видеть Раевских и Пушкина и общаться с ними.

Кто из монахов мог быть спутником поэта в его прогулке по окрестностям монастыря?

Митрополит Хрисанф в силу своего почтенного возраста (88 лет) мог показать лишь сам монастырь. Однозначно отпадают и трое послушников, как люди преклонных лет и, к тому же, совершенно необразованные. Иеромонах Исаакий, переведенный в монастырь только в мае 1820 г. и все лето проведенный в походе с эскадрой не знал ни истории монастыря, ни его окрестностей. Видимо, следует исключить из числа возможных провожатых иеромонахов Моисея и Парфения, переведенных в обитель в начале 1820 года, и вольного священника Григория, подвизавшегося в монастыре лишь 25 мая 1820 г. (очевидно, это тот самый монах - “малороссиянец”, упоминаемый Г.В.Герасковым)

На наш взгляд, только два человека могли быть «гидами» Пушкина: иеромонах Платон и вольный священник Симеон Соколовский. Оба – потомственные священники, оба обучались в Киевской Духовной академии, в программу которой входили классические дисциплины. Потому у них мог возникнуть интерес к прошлому монастыря и была возможность глубже познакомиться с его историей посредством чтения древних авторов. Но кандидатуру Симеона Соколовского, видимо, следует снять, так как он попал в Георгиевский монастырь только в конце февраля 1820 г. и все лето провел в походе. Платон же был из числа старожиллов— он в монастыре с сентября 1810 г., то есть со времени вступления в должность главы обители Хрисанфа. Скорее всего, именно ему митрополит доверял исполнение самых ответственных дел, в частности, “экскурсии” с именитыми гостями монастыря.

Сохранившиеся “Книги Балаклавского Георгиевского монастыря о приходе, расходе и остатке флотской суммы” за 1820 г. позволяют выяснить, что было закуплено из провизии незадолго до приезда Раевских и Пушкина, а значит, чем кормили наших путешественников 6-7 сентября.

В августе для монастыря были закуплены говяжье сало, сахар, сок, чай, кофе, икра, лук. 19 августа Парфений делает новые закупки -- 3 фунта маслин (около 1,5 кг), 3 фунта пшена, 11 фунтов (около 4,5 кг) коровьего масла, пуд (свыше 16 кг) масла конопляного. Всегда в монастыре было парное молоко из своего коровника и виноград со своего виноградника. У балаклавских греков 4 сентября (вероятно, это уже делал вернувшийся из плавания Платон) в очередной раз закупили свежей рыбы на довольно большую сумму -- 4 рубля (для сравнения: 17 августа рыбы закупили на 1 рубль, 19 августа -- 1 рубль), которая, судя по всему, быстро разошлась, т.к. 7 сентября, в день отъезда Раевских и Пушкина, свежую рыбу закупили вновь—на 2 рубля (32, дд.30-31). Путешественникам монахи предлагали свою обычную трапезу, «скрашивая» ее некоторыми скоромными продуктами, припасенными специально для угощения гостей.

Где Раевские и Пушкин расположились на ночлег? Хрисанф, конечно, старался оказать им радушный прием, но сделать это было не просто. В обветшалой гостинице, построенной на склоне горы к 1806 г., слева от храма, имелось всего лишь несколько комнат-келий с земляным полом. Гостям монастыря пришлось довольствоваться этим.

Бахчисарай. «Фонтан слез»

Легенда о любви крымского хана к прекрасной невольнице в Бахчисарае рассказывали путешественникам еще в конце XVIII века. Английская путешественница миледи Кравен, посетившей Бахчисарай в 1786 году, писала «Из своих окошек я увидела род купола, который возбудил во мне любопытство, и узнала, что хан соорудил его в память своей жены христианки, которую он так нежно любил, что после смерти ее не мог утешиться» (9, с.290). Пожалуй, это первое упоминание о легенде. В XVIII - начале XIX вв. возлюбленная Крым-Гирея считалась грузинкой, христианкой. С ее именем связывали усыпальницу, дюрбе, расположенную в стороне от основных дворцовых построек.

К двадцатым годам XIX столетия легенда претерпела изменения: безымянная героиня получила польскую национальность и имя – Потоцкая. Пушкинисты, основываясь на свидетельстве самого поэта, полагают, что подробности «гравитной истории» и польское происхождение невольницы придумала так называемая «угаенная любовь» Пушкина, поведавшая ему легенду о «Фонтане слез». По мнению А.П.Гроссмана, имя этой женщины - Софья Потоцкая-Киселева. «Легенда о Марии Потоцкой скорее всего создавалась в семье самих Потоцких ... Именно так и возникла эта «народная» легенда» (6; 15, с.218). Однако гипотеза А.П.Гроссмана противоречит, прежде всего, свидетельствам современников поэта.

И.М.Муравьев-Апостол, путешествовавший по Крыму месяцем позже Пушкина, первым упомянул два варианта легенды. «Укажу тебе отсюда на холм ..., на котором стоит красивое здание с круглым куполом: это мавзолеей прекрасной грузинки, жены хана Керим-Гирея. Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка а полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я не спорил с ними ... они стоят в одном: красавица была Потоцкая» (16, с.119). Знаменитый автор книги «Путешествие по Тавриде» подчеркивал, что о национальности ханской жены он спорил с «местными жителями». Князь Л.Сапега, посетивший Бахчисарай летом 1824 года, писал, что в ханском дворце ему показали «комнаты, где жила когда-то Потоцкая, увезенная в гарем и впоследствии ставшая женой хана» (21, с.64). И вновь волею «местных жителей» в образе любимой Крым-Гирея предстала польская панна.

Возникновение этой легенды не случайно. В Бахчисарае существуют два таинственных памятника, связанных с именем «ханской любовницы». Во-первых, уже упоминавшийся мавзолеей, дюрбе. Его украшает надпись: «Молитва за упокой души усопшей Дилары-Бикеч». Во-вторых, так называемая Эшиль-Джами (Зеленая мечеть). Она построена в христианском квартале старого Бахчисарая. На левой стене мечети имеется надпись: «Да будет милосердие божие над Диларою 1178» (1764 по Р.Х.). Памятники датированы правлением хана Крым-Гирея. Но в самой легенде имя Дилары не упоминается.

Историк В.Д.Смирнов, ссылаясь на старинный авторитетный трактат историка

Мухаммеда Ризы «Семь планет», писал: «Фетх-Гирею досталась в подарок пленная девица, дочь польского боярина ... Она некоторое время проживала в качестве невольницы в доме Фетх-Гирея. Но так как польская боярынька не была сподоблена истинной веры мусульманской, да и красотой тоже не была наделена, то Фетх-Гирей счел за лучшее променять ее на выкупное золото» (24, с.500). Ребенок «польской боярыньки» стал основателем побочной ветви правящего дома – Чобан-Гиреев.

Еще большую достоверность легенде придавало то обстоятельство, что в гаремы крымских ханов нередко попадали невольницы-христианки (24). Кроме того, сюжет о любви мусульманина к христианке довольно распространен в средневековой восточной литературе. Таким образом, бахчисарайская легенда о любви хана к польской красавице сформировалась на местном историческом и фольклорном материале. Как же она «пришла» к Пушкину?

Можно с уверенностью сказать, что подобно прочим путешественникам, Раевских и Пушкина встречали и опекали во время пребывания в Бахчисарае местные полицейские чиновники, поскольку такое гостеприимство входило в круг их служебных обязанностей. Генерал Раевский имел на руках следующий документ:

Открытое предписание

градским и земским полициям.

Под проезд по Южному берегу Крыма господина генерала от кавалерии и кавалера Николая Николаевича Раевского с будущими при нем давать из обывательских потребное число верховых и вьючных лошадей с проводниками за указанные прогоны без задержания и оказывать со стороны градских и земских полиций всякое должное вспомоществование.

г.Симферополь

Августа дня 1820-го года.

Таврический гражданский губернатор. (12, л.17, об.)

Столичный литератор Г.В.Гераков и сенатор И.М.Муравьев-Апостол немного позднее посетившие Бахчисарай, называют имя встретившего их чиновника – И.Д.Ананьич, бахчисарайский полицмейстер, то есть начальник городской полиции, и одновременно смотритель дворца. И.М.Муравьев-Апостол отмечал, что переводом надписей во дворце (в том числе и надписи на фонтане «Слез») «обязан Г-ну Ананьичу, Бахчисарайскому полицмейстеру. Он для сего употребил одного муллу, знающего арабский язык» (16, с.108). Кстати, Пушкин говорил, что ему известны надписи на фонтане «Слез», хотя ни он, ни его спутники Раевские не владели арабским языком. На кладбище И.М.Муравьев-Апостол видел над гробами «ярлыки на русском языке с именами лежащих под ними» и подчеркивал, что «этим мы обязаны единственно старанию нынешнего бахчисарайского полицмейстера г. Ананьича» (16, с.18).

Таким образом, есть все основания полагать, что в Бахчисарае поэта и его спутников встретил именно И.Д.Ананьич. Имя этого человека до сих пор неведомо пушкинистам: его нет в словаре Л.А.Черейского «Пушкин и его окружение», нет и в «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина», о нем не упоминается в работах, посвященных южному путешествию поэта. Вот какие документы нам удалось обнаружить в крымских архивах.

Согласно «Формулярному списку о службе и достоинстве бахчисарайского полицмейстера титулярного советника и кавалера Ивана Давыдовича Ананьича» в 1795 году, по выходе из народного училища, он поступил в «Брацлавскую комиссию» канцеляристом. Определен в Егерский полк аудитором в 1800 году. Во время службы был «в походах и сражениях против неприятеля». Назначен в город Бахчисарай на должность полицмейстера 29 сентября 1809 года. Во время чумы, свирепствовавшей в Крыму в 1812-1813 годах, переведен в Карасубазар, «который очень был заразителен чумою». За успешную борьбу с эпидемией получил «Высокомонаршьё Его императорского величества благоволение» (10, л.45). Став смотрителем дворца в июне 1820 года, И.Д.Ананьич с энтузиазмом принялся за новую работу. В фондах крымских архивов сохранилось много его писем и докладных записок на имя губернатора и других руководителей губернии о состоянии дворцовых построек, фонтанов, садов, предлагал проекты ремонта, просил денег для проведения реставрационных работ, а также для жалования служителям: фонтанщику, садовнику и

инвалидной команде, охранявшей дворец (11). Помимо хозяйственно-административной работы, И.Д.Ананьич занимался изучением истории ханской резиденции. Привлекает внимание тот факт, что до 1820 года, то есть до времени назначения его смотрителем дворца, имя Потоцкой не связывалось с возлюбленной-полонянкой Крым-Гирея. Быть может, «автором» «польской версии» легенды был И.Д.Ананьич. На наш взгляд, в пользу этого говорят следующие соображения. Согласно документам, он был человеком образованным. Юность его прошла в Польше. Он немало поездил по России, многое повидал. В Бахчисарае показал себя ревностным чиновником, посвящая свои досуги краеведению, что было весьма необычно для провинциального полицмейстера. Возможно, он надеялся, что новая героиня, «некая Потоцкая» вызовет интерес к дворцу и его истории у столичных гостей. И не случайно «ученые татары» называли легенду, рассказанную в пушкинском «Бахчисарайском фонтане», «выдумкой дворцовых сторожей» (7, с.258).

Гипотетически можно предположить следующее. К 1820 году было опубликовано несколько записок путешественников по Крыму (миледи Кравен, П.Сумарокова, П.Палласа и др.), где говорилось о грузинке, возлюбленной Крым-Гирея. Отнюдь не Потоцкой. Пушкин, подобно Раевским, готовился к путешествию по югу России, читал вышеперечисленные книги, возможно, обсуждал их с будущими спутниками (напомним, что первоначально он собирался посвятить поэму Н.Н.Раевскому-младшему). Эта легенда была известна в обществе и воспринималась как анекдот «давно минувших дней». В Бахчисарае Пушкин познакомился с другой трактовкой легенды. Быть может, Раевские, подобно И.М.Муравьеву-Апостолу, спорили с «местными жителями» о происхождении ее героини. При работе над поэмой Пушкин воспользовался отдельными фрагментами «бахчисарайской» версии, в частности, сделал Марию полькой, а грузинкой, принявшей мусульманство – Зарему.

В пользу предположения о том, что Пушкин был знаком с легендой, известной по книге И.М.Муравьева-Апостола, и которую, по нашему мнению, в свою очередь, автор «Путешествия по Тавриде» почерпнул из бесед с И.Д.Ананьичем, говорят следующие соображения.

30 апреля 1823 года, П.А.Вяземский пишет А.И.Тургеневу: «На днях я получил письмо от Беса-Арабского Пушкина. Он скучает своим безнадежным положением, но, по словам проезжего, пишет новую поэму «Гарем», о Потоцкой, похищенной которым-то ханом, событие историческое» (13, с. 344). Очевидно, что «приезжий» рассказывал о сюжете поэмы со слов Пушкина и сюжет этого рассказа близок изложенному И.М.Муравьевым-Апостолом. 4 ноября 1823 г. Пушкин послал П.А.Вяземскому текст «Бахчисарайского фонтана» для публикации и письмо, в котором есть такие слова: «Еще просьба: припиши к Бахчисараю предисловие или послесловие ...; прилагаю при сем *полицейское послание* (Курсив наш – авт.), яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в Путешествии Муравьева-Апостола статью Бахчи-сарай, выпиши из нее что поноснее – да заворижи все это своею прозою...» (20, т.13, с. 73). Привлекает внимание следующее: поэт не просто просил написать предисловие – он указал возможные источники материала для работы: книга И.М.Муравьева-Апостола и «полицейское послание», которое Пушкин «прилагал» к письму. 18 ноября 1823 П.А.Вяземский писал А.И.Тургеневу: «Есть ли в Петербурге «Путешествие в Тавриду» Апостола-Муравьева ...? Узнай и доставь тотчас. Да расспроси, не упоминается ли где-нибудь о предании похищенной Потоцкой татарским ханом и наведи меня на след. Спроси хоть у сенатора Северина Потоцкого или у архивиста Булгарина». 29 ноября А.И.Тургенев ответил П.А.Вяземскому: «Книгу Муравьева посылаю. О романе графини Потоцкой справиться не у кого: графа Северина здесь нет (...) да и происшествие, о котором пишешь, не графини Потоцкой, а другой, которой имя не пришло мне на память» (13, с.374-375). Скорее всего, сведения, полученные А.И.Тургеневым, были почерпнуты из записок путешественников, осведомленных о бахчисарайской легенде. Заметим, именно коллизия с Потоцкой, а не с грузинкой, просил проверить Пушкин.

Комментируя вышеприведенное письмо Пушкина Вяземскому от 4 ноября 1823 года, исследователи отмечают: «невозможно установить, что Пушкин определил термином «полицейское послание», которое он прилагал как материал для предисловия» (14, с. 375). Теперь мы можем предположить, что Пушкин в письме П.А.Вяземскому намекал на

И.Д.Ананьича и прилагал «при сем» именно его запись легенды, ставшей сюжетной основой поэмы.

Последнее изменение легенды, связавшее фонтан Сельсебиль, то есть «Райский источник» (чаще называемый теперь «Фонтаном слез») с именем ханской возлюбленной, произошло после выхода в свет поэмы Пушкина и, несомненно, под влиянием пушкинского гения. Ранее фонтан не входил в число памятников, посвященных героине предания. Как отмечают крымские историки, фонтан Сельсебиль, скорее всего, не принадлежит усыпальнице Дилары-Бикеч и никогда не назывался «Фонтаном слез». Во дворце он появился после «потемкинского» ремонта середины 1780-х гг., откуда он взят – точно не известно. Этот интересный памятник татарской архитектуры имеет собственное культурно-историческое значение: он выполняет не только функцию декоративно-художественного и мемориального характера, но несет и сакрально-магический смысл (15, с.175-176). Подобные фонтаны нередко встречались на Востоке, особенно в Турции. Напомним, Пушкину было известно о том, что текст надписи, украшающей фонтан Сельсебиль, никоим образом к ханской возлюбленной не относится.

Возникает вопрос: почему культовый фонтан превратился в поэме Пушкина в «странный памятник влюбленного хана» - «Фонтан слез»?

Сравнение двух «Описей бахчисарайского казенного дворца», составленных разными авторами в 1820 году, а так же записок путешественников, посетивших дворец в это время, позволяет установить, что крытый фонтанный дворик, где находится ныне знаменитый фонтан, являлся первым дворцовым покоем, который видели посетители. Через внутренний двор и «железные двери» они сразу попадали в этот дворик, откуда можно было пройти во внутренние помещения дворца. Таким образом, мраморные фонтаны были первой достопримечательностью. И Пушкин отметил эту особенность экскурсии по дворцу: «Вошел во дворец увидел я испорченный фонтан». Можно предположить, что красота и необычная архитектура фонтана, так непохожая на европейскую, поразили воображение поэта, усилив первое впечатление от дворца, и позднее, в процессе работы над поэмой, Пушкин нашел совершенно новую, оригинальную и яркую деталь – «плачущий» фонтан, где непрерывно падает слезами вода, как символ вечной печали

Таким образом, крымская легенда, услышанная Пушкиным в том числе и во время посещения Бахчисарая, послужила толчком к совершенно оригинальной и самобытной трактовке старинного сюжета, воплотившейся в поэме «Бахчисарайский фонтан». Гений Пушкина прозрел в «минутных видениях» этой гаремной истории «души неясный идеал». Так довольно расплывчатое любовное сказание «волшебного края» обрело не только романтические, байронические черты. «Неизъяснимое волнение» и «поэтические слезы» наполнились философским смыслом в духе Саади Ширазского. Что же касается бахчисарайского «Фонтана слез», то со времени знакомства читателей с поэмой Пушкина он стал символом и столицы крымских татар и всего Крыма.

Литература

1. Винокур Г. Крымская поэма Пушкина //Красная новь, 1936, №3.
2. Георгиевский монастырь (1820) //Отечественные записки, ч.24, кн.66, 1825.
3. Гераков Г.В. Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям 1820 и начала 1821. – Петроград, 1830.
4. Геродот. История. В девяти книгах. – Л.: Наука, 1972.
5. Громбах. О датировке послания Пушкина “Чаадаеву” (“К чему холодные сомненья...”) //Изв. АН СССР, Сер. лит. и языка, 1980, №3.
6. Гроссман А.П. У истоков “Бахчисарайского фонтана” //Пушкин. Исследования и материалы. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – Т.III.
7. Данилевский Г.П. Письма из степной деревни //Библиотека для чтения, 1850, т. XII.
8. Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Аюдаг – “Святая” гора. – Симферополь: Таврия, 1975.
9. Кравен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1789 г. – М., 1795.
10. Крымский республиканский государственный архив (КРГА) Ф.49, оп.1, д.6596.

11. КРГА, ф.26, оп.1, д.4967.
12. КРГА, ф.26, оп.1, д.5000
13. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина: 1799-1826 /Сост. М.А.Цявловский. – Изд. 2-е, испр и доп. – Л.: Наука, 1991.
14. Лобикова Н. Пушкин и Восток //Очерки. – М: Наука,1974.
15. Малиновская Л.Н. Семантическое поле Бахчисарайского фонтана («слез») в контексте исламской традиции //История и археология Юго-Западного Крыма: Сб. науч. трудов. – Симферополь: Таврия, 1993.
16. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. – СПб, 1823.
17. Объяснение Греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского, поданное в 1795 году князю Zubову для соображений графа Валериана Zubова перед походом его в Персию //Русский архив, 1873, книга 1.
18. Православные русские обители. – СПб.: Воскресение, 1994
19. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 1794 годах //Записки императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1881.
20. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
21. Сапега Л. Мемуары князя Л.Сапеги. – М.: «Прометей», 1915 г.
22. Святелик В. Легенда, пришедшая к Пушкину //Знамя, №8, 1989.
23. Севастопольский городской государственный архив (СГА), Ф.20, оп.1.
24. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. – СПб., 1887.
25. Страбон. География: в 17-ти кн. /Пер., статья и комментарии Г.А.Стратановского. – М.: Ледомир, 1994.
26. Томашевский Б.В. Пушкин. 2-е издание в 2-х томах. – М.: Художественная литература, 1990. – Т.2.
27. Центральный государственный архив (ЦГА) ВМФ, ф.243, оп.1.